

Слова Дунхэ Си громом прозвучали среди собравшихся, повергнув всех в оцепенение.

Старый господин, казалось, в глубине души был готов к подобному, а потому не выказал такого изумления, как остальные. Ван Хунло же и прочие домочадцы, не знавшие о низменных замыслах Дунхэ Фэна, сочли требование юноши чем-то за пределами и невысказанным.

Хотя законы династии Тяньу и не запрещали гэ'эрам участвовать в разделе имущества, вековые устои и правила приличия говорили об обратном. С древних времён не было случая, чтобы гэ'эр сам требовал раздела семьи — по крайней мере, никто из присутствующих о таком не слыхивал. О чём угодно они могли помыслить, но только не о том, что Дунхэ Си решится на подобный шаг.

Потому тишина, воцарившаяся в зале, была наполнена почти осязаемым потрясением.

Лишь Дунхэ Фэн, оправившись от мимолётного замешательства, сразу же забыл о шаткости своего положения. Услышав о разделе, он, не раздумывая ни секунды, разразился гневной отповедью. Его доводы были теми же, что и прежде — он даже не потрудился придумать что-то более убедительное, ограничившись пустой и лицемерной риторикой:

— Спокон веков не бывало такого, чтобы молодой гэ'эр требовал раздела семьи! К тому же твои дед и бабушка живы, а в народе говорят: «пока старики в доме, семья едина». Твои отец и папа при жизни не помышляли об этом, так с чего бы тебе, которому завтра-послезавтра уходить в чужой дом, заявлять о разделе? Как посмотрит на нас после этого весь город Хайань? Я не согласен!

Дунхэ Си не стал скрывать презрения и коротко, резко рассмеялся. Изогнув бровь, он окинул дядю насмешливым взглядом и парировал удар, не стесняясь в выражениях:

— В законах нашей империи нет ни единой строчки, запрещающей гэ'эру требовать раздела. Мои отец и папа не помышляли об этом лишь потому, что при них никто не смел притеснять их дитя. Никто не обзывал их сына «ничтожным отродьем» и «грязным семенем», и уж тем более никто не осмеливался столкнуть его в пруд. Коль в доме был мир и покой, к чему им было делить имущество?

Заметив, как побледнел и перекосялся в лице Старший господин, юноша холодно добавил:

— А что до того, как на вас посмотрят люди — какое мне до этого дело? Те, кто знает благородство и нрав моих деда и бабушки, никогда не возведут на них напраслину. Что же до остальных, привыкших повторять чужие сплетни... Что ж, это прекрасный повод проверить, с кем из них стоит водить знакомство, а от кого лучше держаться подальше. Считайте, что я оказываю вам услугу, помогая заранее разглядеть истинное лицо вашего окружения.

В его словах сквозил яд и недвусмысленные намёки. Дунхэ Си смотрел на дядю с нескрываемой насмешкой:

— К тому же, дорогой дядя, прежде чем упрекать меня, не стоит ли вам поискать причину в самом себе? А, дядя? К чему вы так спешите высказаться, когда дедушка и бабушка ещё не проронили ни слова? Глядя на ваше рвение, невольно задумаешься: уж не скрываете ли вы какой постыдный умысел, раз так яростно противитесь моему уходу?

После этих слов лицо Дунхэ Фэна потемнело, словно грозовая туча. Последнее замечание попало в самую цель, пробудив в нём страх разоблачения. Он поспешил оправдаться, хотя голос его звучал неубедительно:

— Что значит «искать причину в себе»? И о каких постыдных делах ты толкуешь? Да, я признаю, что в последние два года обделял тебя вниманием и не доглядел за твоей тётушкой и шестым братом. Но всё лишь потому, что дела поместья отнимали все мои силы! Я против раздела только из заботы о тебе. Твои родители ушли, и пока ты в этом доме, ты — живая память о них для стариков. Как мы посмотрим в глаза твоим покойным отцу и папе, если с тобой, столь пригожим и беззащитным гэ'эром, что-то случится вдали от родных стен?

К концу своей речи Дунхэ Фэн даже напустил на себя вид искреннего огорчения:

— Впрочем, если ты так твёрдо решил уйти... Пока живы твои дед и бабушка, не мне, твоему дяде, выносить окончательный приговор.

На словах Старший господин казался воплощением благоразумия и спокойствия, но лишь он сам знал, какая буря бушевала у него в душе. Страх и недоумение терзали его.

«Невозможно... Этот щенок просто не может знать о моих планах!»

Но если он не знает, к чему были эти слова о «постыдных делах»? Почему он так настойчиво требует раздела?

Если говорить о притеснениях, то начались они не сегодня. Стоило ему убедиться в смерти Третьего брата и получить от отца бразды правления, как он дал Цю Вань полную свободу действий. Дунхэ Юй враждовал с ним не день и не два, но ни в прошлом, ни в позапрошлом году тот не заикался о разделе. Почему же в этом году он требует его уже второй раз?

Дунхэ Фэн лихорадочно перебирал в памяти недавние события. Последний раз юнец заговорил о разделе... кажется, через пару дней после того, как сам Фэн обсуждал с доверенным управляющим, когда будет удобнее отправить Дунхэ Си в наложники к префекту Ху?

От этой мысли зрачки Старшего господина сузились. Он едва сдержал гримасу ужаса, а сердце его ушло в пятки.

Сомнений не оставалось: Дунхэ Си каким-то неведомым образом пронюхал о его замыслах и бросился к Старому господину. Тогда Фэн не придал этому значения и успел пресечь разговор прежде, чем отец открыл рот, используя те же отговорки, что и сегодня.

Если его догадки верны, то сегодня Дунхэ Си не отступит. Он будет стоять на своём до победного конца.

Одного Фэн не мог понять: ладно прежний Дунхэ Си, он мог бояться участи наложника. Но нынешний-то потерял память! Откуда в нём это ледяное упорство?

Просто состоянием иступления — той самой «истерией», что порой овладевала юношей, — это было не объяснить. Насколько знал хозяин поместья, после того как припадок проходил, племянник помнил всё, что творил в беспамятстве. Но сейчас он действительно ничего не помнил о прошлом.

Взгляд Дунхэ Фэна упал на застывших за спиной юноши Мо Шу и Мо Яня. Неужели он успел шепнуть им что-то до того, как память его угасла?

«Надо было сразу гнать этих двоих в шею, сослать их в дальнее поместье, а не оставлять при нём!»

Дунхэ Фэн кипел от скрытой злости.

В конечном счёте во всём были виноваты его глупая жена и этот вечный источник бед Дунхэ Юй. Своей тупостью они сами дали племяннику идеальный повод для раздела.

Раньше Старший господин мог заставить Дунхэ Си отступить, ведь тот был мягок и почитал стариков. Но теперь он взгляделся в лицо племянника, лишённое былой кротости. В состоянии своего «недуга» этот юнец не признавал родства. Сказать, что он полностью лишился чувств, было бы преувеличением, но былого почтения в нём не осталось и следа. Если он затевал спор, то не щадил даже деда с бабушкой — пусть и не поднимал на них руку, но на словах был беспощаден.

Фэн слишком хорошо помнил случай, когда племянник жены, приехавший в гости, чем-то задел Си-гэ'эра во время очередного приступа его болезни. Тот тогда едва не забил несчастного до смерти.

Родителей юноши в тот день не было дома, и слуги в панике позвали стариков. Старый господин велел внуку прекратить расправу и попенял ему на жестокость, но Дунхэ Си лишь огрызнулся в ответ и едва не продолжил экзекуцию прямо на глазах у деда. Если бы Третий брат и его супруг не вернулись в тот самый миг, Хуа-гэ'эр точно не жилец бы был.

Всей семье было известно: когда Дунхэ Си пребывает в «иступлении», совладать с ним могут

лишь его покойные родители или старший брат Дунхэ Чжэнь. Старики могли лишь взывать к его совести, но если они не вставали на его сторону безоговорочно, их слова не имели веса.

Дунхэ Фэн понимал: если сегодня Старый господин ответит отказом, юноша не успокоится. Он превратит жизнь в поместье в сущий ад.

Осознав это, хозяин дома примирился с неизбежным. Как бы ни грызло его недовольство, он не смел больше перечить. Слишком сильна была его собственная вина, а нынешний Дунхэ Си был подобен стихии, которую невозможно усмирить доводами рассудка.

Закончив свою тираду, Дунхэ Фэн замолчал и больше не проронил ни слова. Что же до префекта Ху... придётся искать другой путь.

— Вы позволяли тиранить меня в этом доме, — ледяной голос Дунхэ Си разрезал тишину. — Неужели вы думаете, что этим проявили уважение к моим родителям?

Слова были брошены прямо в лицо, обнажая всё лицемерие Старшего господина.

Тот лишь судорожно сглотнул, не в силах ничего возразить. После того как в воздухе повисло подозрение, любое его слово могло обернуться против него самого. Лучшее, что он мог сейчас сделать — замолчать.

По залу поползли шепотки. Ван Хунло и другие домочадцы, не знавшие подоплёки конфликта, удивлённо переглядывались. Наложница Чэнь и Вторая госпожа Ван, знавшие натуру хозяина как свои пять пальцев, погрузились в глубокие раздумья. Видя, как тот смолк под напором племянника, они поняли: здесь кроется нечто большее, чем простая обида.

Младшее поколение — Дунхэ Фэй и остальные — хотя и считали требование Си-гэ'эра вопиющим нарушением традиций, понимали, что пока живы дед и бабушка, им слова не давали. Потому они сидели тихо, ожидая решения главы рода.

Старый господин Дунхэ прожил долгую жизнь и видел людей насквозь. К тому же — кто знает сына лучше отца? Ему хватило одного взгляда на побледневшее лицо первенца, на его бегающие глаза и фальшивую уверенность. Как бы тот ни пытался скрыть страх, Старый господин видел: совесть сына нечиста.

Сердце старика сжалось. Что же такого совершил его старший сын, что Си-гэ'эр, даже лишившись памяти, требует раздела?

Он медленно перевёл взгляд с одного на другого, пытаясь угадать скрытую правду, но так и не смог понять, какая тайна заставила внука звучать столь непоколебимо.

— Си-гэ'эр, — тихо спросил он, — ты твёрдо решил?

— Твёрдо.

Старый господин медленно обвёл взглядом всех присутствующих. Зал замер. Спустя мгновение тишину разорвал его голос — властный и окончательный:

— Быть по сему. Мы разделим семью.

<http://bllate.org/book/15311/1354345>